Глава 3
Политическая этика, власть, право

Вернемся к главной теме, от которой, по нашему мнению, зависят и политика, и характер нашей жизни в целом, — к нравственным основаниям политики и управления, к происходящему в мире движению в этом направлении, а также к соотношению моральных и правовых механизмов.

1. О понятии этики

Один из самых светлых людей прошлого столетия — Альберт Швейцер — человек, пожертвовавший незаурядными талантами музыканта и философа во имя того, чтобы посвятить большую часть своей жизни оказанию медицинской и духовной помощи обитателям глухого уголка тропической Африки, писал в своей удивительной книжке «Культура и этика»: «Любые реформы государственной или общественной жизни — не панацея и имеют лишь относительное значение. Они могут быть полезны, только если мы способны также вдохнуть в наше время новый дух. Даже те сложные проблемы, которые целиком относятся к материально-экономической сфере, в конечном счете могут быть решены только путем этизации убеждений... Подлинное чувство реальности заключается в осознании той непреложной истины, что мы лишь через основанные на разуме этические идеалы можем прийти к нормальным взаимоотношениям с действительностью»[26].

---

[26] *Швейцер А.* Культура и этика. М., 1973. С. 66—67.

Так что же такое этика? Если не удовлетворяться формальным науковедческим определением ее как науки о морали, то можно сказать, что это — тот общественный институт, который выполняет функцию регулирования человеческого поведения с позиций его моральной оценки. А такая оценка, в свою очередь, требует определения критериев (стандартов) *добра и зла, честного и бесчестного, справедливости и ее антипода, понятий чести, совести, человеческого достоинства, морального долга.* И если наука этика занимается этим прежде всего в общетеоретическом (можно даже сказать, философском) плане, то мораль — это главным образом область человеческой практики. Иногда, впрочем, слова «этика» и «мораль» употребляют как взаимозаменяемые синонимы, в чем я не вижу особой беды (если, конечно, речь не идет о специальном научном обсуждении понятийного аппарата и проч.).

Иногда также отождествляют мораль и нравственность, что, на мой взгляд, уже не столь уместно, ибо тут вступают в силу различия в источниках и способах воздействия на поведение человека. Если мораль — это прежде всего форма поддержания общественной дисциплины посредством реального или потенциального воздействия силы общественного (в том числе профессионального группового) мнения, обычаев, массовых привычек, оценок и т.п., сопровождаемая соответствующими моральными санкциями или угрозой их применения, то нравственность — это сфера внутреннего самоконтроля и саморегулирования, включая самоограничения и самопринуждение. Иными словами, нравственность есть сфера свободного внутреннего выбора человека, основанного не на страхе моральных санкций со стороны среды, со стороны так называемых значимых других, а на индивидуальной совести, критическом самоанализе и самооценке, это область ответственной перед самим собой автономии человеческого духа. Таким образом, есть два вида моральных регуляторов — внешний и внутренний.

Кратко упомянем о двух различных этических традициях — *гедонистической* и *ригористической.* В рамках

гедонистической традиции основания морали выводятся из естественной природы человека, из принципа разумного эгоизма. Траектория этой традиции проходит через Демокрита, Эпикура, Гоббса, Локка, Бентама и других, более поздних утилитаристов и объективистов XIX—XX вв. Ее основная предпосылка состоит в том, что люди в конечном счете сами заинтересованы, чтобы вести себя морально. Другая, ригористическая, традиция придерживается более пессимистического взгляда на природу человека и обстоятельства социальной жизни. Согласно ей, мораль «непрактична», не имеет достаточных оснований в реальной жизни и потому «социально нецелесообразна». Поэтому основным моральным регулятором является чувство долга, ответственности перед другими и Богом за свои поступки. Иначе говоря, согласно первому варианту, быть моральным выгодно, тогда как согласно второму — мораль противоречит естественным наклонностям грешного человека, но необходима для их обуздания. Отсюда в первом случае основное внимание уделяется мотивам поведения, во втором — наложению на него ограничений, посредством ли заповедей, заветов или всевозможных моральных кодексов и иных ограничительных норм. (Кроме того, в истории науки этики можно встретить множество типологий так называемой нормативной этики: этика удовольствия, этика счастья, этика внутренней стойкости, этика страдания, этика скептицизма, этика аскетизма, этика самосовершенствования, этика любви, этика утилитаризма, этика долга, этика разумного эгоизма. Однако их анализ явно выходит за рамки нашей темы.) Современные христианские писатели-теологи трактуют эту светскую дихотомию несколько иначе, но в основе своей достаточно близко. Так, автор популярного в США университетского курса «Основы христианской этики», евангелист Роджер Крук, выделяет в этике *телеологический* и *деонтологический* подходы, очерчивая основания каждого из них следующим образом: «Некоторые мыслители считают, что правильный подход в принятии

этических решений начинается с определения наивысшего блага в жизни. Если это так, то нам придется искать одну вещь, ради которой мы были бы готовы пожертвовать всем остальным. В поисках этой вещи мы сможем понять, что станет определять наши менее значимые решения. Все остальное будет обладать определенной ценностью только в отношении нашего продвижения к наивысшему благу. То есть вопрос стоит так: чего мы хотим добиться в жизни? Счастья? Власти? Чьего-либо одобрения? Чувства завершенности? Чувства верности самим себе? Ответив на этот вопрос, мы можем оценить вещи в понятиях того, помогут они достичь нашей цели или помешают этому. Это *телеологический* подход, который состоит в движении к предельной цели. Долг проистекает из ценности; мы должны делать то, что поможет нам достичь цели. Другие мыслители, однако, ставят долг на первое место и говорят, что ценность проистекает из него. Слово "долг" означает обязанность, которая основана на взаимоотношениях или которая происходит из жизненной позиции того или иного человека. Долг очень близок к понятию "ответственность", подразумевающему действие, вызванное чувством преданности чему-то внешнему относительно самого человека. Человек, поступающий исходя из чувства долга, поступает так не для того, чтобы достичь цели, но по причине внутренней посвященности. Внимание здесь сосредоточено на мотиве, а не на цели. Удовлетворение происходит от исполнения долга; добродетельная жизнь — это жизнь ответной реакции на внутреннее побуждающее чувство. В этом смысле ценность происходит из долга. Такие теории называются *деонтологическими,* они основаны на движении от основного обязательства человека. Можно спорить о том, является христианская этика телеологической или деонтологической дисциплиной. В любом случае, однако, этика занимается выведением норм или стандартов»[27].

---

[27] *Крук Р.* Основы христианской этики. С. 18.

Следует отметить, что сам Дж. Крук трактует христианскую этику более конкретно, ближе к собственно христианским источникам. Приведенная цитата, помимо того что она, на наш взгляд, представляет самостоятельную значимость, демонстрирует принципиальное сходство секулярного и христианского подходов. Впрочем, дискуссия по данной проблематике выходит за пределы целей нашей работы — анализа и обсуждения двух видов прикладной этики — политической и административной.

2. Этика и политика

Итак, *политическая этика* — один из видов прикладной этики. В монографии наших ведущих специалистов по проблемам прикладной этики она определяется как «совокупность ценностей и норм, разрешений и запретов, ориентирующих и вместе с тем регулирующих действия как профессиональных политиков, так и всех тех, кто по своей воле (или против нее) вовлечен в политическую жизнь»[28]. Используем это определение как базовое. Очевидно, его можно расширить за счет конкретизации и детализации. Некоторые идут по такому пути (например, одно из определений права занимало полторы страницы журнального текста). Однако такой метод не кажется мне продуктивным. Краткость, интегрирование основных признаков определяемого объекта с использованием минимума слов — одно из главных достоинств определения. Детали же можно и следует обсуждать отдельно. Собственно, к этому мы и приступаем.

Дополнение взгляда на политику этическим аспектом представляется очень важным. Здесь мы солидарны с А.А. Гусейновым, считающим, что «современные трактовки политики, господствующие в общественном созна-

---

[28] *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А.* Этика политического успеха. Тюмень; М., 1997. С. 203.

нии и прописанные в учебниках политологии, которые вертятся вокруг понятий власти, борьбы интересов, насилия, хотя и имеют, разумеется, отношение к политике, по не охватывают ее сути в аристотелевском понимании. Они блокируют выход к ее нравственным основаниям, говоря точнее — с самого начала помещают ее в донравственное, вненравственное, безнравственное пространство. Эти этически урезанные концепции политики нельзя путать с тем, что понимает под политикой Аристотель, выявляющий ее изначальный смысл и предназначение. «Политика есть публичное пространство — пространство, расположенное между людьми и располагающее их по отношению друг к другу. Это открытое, освещенное пространство, арена, на которую выступают индивиды, предъявляя себя друг другу... исследование человеческого общения в наиболее совершенной его форме, дающей людям полную возможность жить согласно их стремлениям»[29]. Представляется достаточно очевидным, что популярные сентенции о якобы несовместимости политики и морали принципиально расходятся с фундаментальным назначением и смыслом политики как таковой, а их распространенность имеет, полагаю, небескорыстную мотивацию. На мой взгляд, *именно наличие или отсутствие в политике нравственной компоненты маркирует границу между политикой в подлинном смысле и политиканством, политическим интриганством.* Если принять тезис, что политика и мораль несовместимы, то возникает вопрос: а чем она тогда, собственно, отличается от преступного «беспредела»? Ведь даже у воров в законе есть своя этика; само собой разумеется, что последняя — извращенная система взглядов и ценностей с точки зрения нормального человека и об «этике» такого рода можно говорить лишь в кавычках; тем не менее даже там она существует как некая система моральных правил и ограничителей.

[29] *Гусейнов А.А.* Указ. соч. С. 110.

В политической этике (как, впрочем, и в любой другой из разновидностей прикладной этики) действуют два вида регулятивных механизмов: *внешние* — т.е. групповые нормы, задаваемые средой, а также обычаем, и *внутренние* — т.е. нравственные механизмы, действующие как бы «изнутри» человека, в более общем плане выступающие как свобода воли. Довольно часто возникающее несоответствие внешних и внутренних регуляторов служит источником серьезных, а порой и трагических моральных конфликтов.

Как по этой, так и по другим причинам «этизация» политики не является волшебной палочкой, способной превратить ее в нечто «белое и пушистое». Однако пренебрежение моральными факторами или, хуже того, их игнорирование гораздо опаснее, ибо ведет к легитимации аморальности в политике. Мы уже говорили об идейной исчерпанности политического маккиавеллизма. Но это вовсе не означает его исчезновения или даже видимого ослабления. Напротив, в некоторых странах, не исключая, увы, и нашу, можно наблюдать обратное — циничное торжество агрессивного и самоуверенного политического имморализма. За примерами аморальной политики, к сожалению, ходить далеко не приходится. Вместе с тем порочная практика отнюдь не свидетельствует о неадекватности нормативных идеалов.

Приведу достаточно грустный пример из области восприятия политического имморализма. Несколько лет назад была переведена и, судя по дополнительным тиражам и довольно роскошному оформлению, получила у нас большую популярность книга Р. Грина «48 законов власти»[30]. По сути, ее текст — это свод лишенных каких-либо нравственных ограничителей правил и технологий манипулирования людьми для достижения господства над ними в той или иной форме. Видимо, для дополнительной убедительности, а также для «приятности чтения»

---

[30] *Грин Р.* 48 законов власти. М., 2001.

он расцвечен историческими примерами, анекдотами и цитатами из «великих». На первый взгляд она производит впечатление добротного учебника для циников, лицемеров и мошенников, в том числе, и далеко не в последнюю очередь, для «государевых людей». (Воздержусь от цитирования, дабы не создавать лишнюю рекламу.) Но, вчитавшись в книгу, понимаешь и другой, более глубокий ее смысл: это *не апология подлости, а ее разоблачение и предостережение для ее возможных жертв.* Между тем у меня сложилось впечатление, что подавляющее большинство наших читателей восприняло книгу всерьез, как руководство к практическому поведению, и извлекло из нее лишь методы манипулирования, особенно в сферах политики и администрирования.

Однако мне бы очень не хотелось, чтобы у читателя создалось впечатление о некоем изначальном и потому непреодолимом имморализме в политической жизни России, якобы отличающем ее от других европейских стран. Во-первых, политическая аморальность, цинизм, причем даже в самых крайних формах, отнюдь не монополия России. История любой страны насыщена примерами кошмарных аморальных поступков политиков. Во-вторых, ценность моральной политики для нас тоже не является *tabula rasa.* Ограничусь одним примером. Н.М. Карамзин, описывая в своей «Истории государства Российского» известную деятельность Ивана Калиты по «собиранию Руси под рукой Москвы» и рассказывая в этой связи об одном из любимых приемов того — доносе татарам на князей других русских городов для «наведения» на них татарских войск и уничтожения таким образом чужими руками своих потенциальных конкурентов — единоверцев и соотечественников, в данном конкретном случае — поднявшегося против Орды князя Тверского Александра, т.е., по существу, прямого предшественника Дмитрия Донского, не уходит от моральной оценки деяний этого «собирателя русских земель»: «...простим ли ему смерть Александра Тверского, хотя она и могла утвердить власть Великокня-

жескую? Правила нравственности и добродетели святее всех иных и служат основанием истинной Политики. Суд Истории, единственный для государей — кроме суда Небесного — не извиняет и самого счастливого злодейства: ибо от человека зависит только дело, а следствие от Бога»[31]. И это не единственная карамзинская оценка политики через призму морали. В томе, посвященном царствованию Ивана III, есть, например, такой пассаж: «Никогда выгода государственная не может оправдать злодеяния; нравственность существует не только для частных людей, но и для Государей: они должны поступать так, чтобы правила их деяний могли быть общими законами»[32]. Последнее утверждение звучит почти как кантовский категорический императив, не правда ли? И характерно, что все это — слова не либерала-западника (скажем, Белинского или Чичерина), а человека с твердой репутацией российского государственника! Если бы наши нынешние «государственники» хотя бы частично придерживались этого правила, мы, возможно, жили бы сегодня в другой стране!

3. Моральность в политике и демократия

Как известно, большую часть своей истории человечество прожило в условиях различных форм недемократического правления. Но в последние века ситуация меняется. Если раньше правление, власть были уделом «избранников» (в разных смыслах этого слова) и окружавших их «элит», то в истории Нового времени очевидна тенденция к демократизации общественной жизни. Ее проявления общеизвестны: это и всеобщее избирательное право, и общественный контроль над властью, и ее де-

---

[31] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 4. М., 1992. С. 142.
[32] Там же. Т. 6. С. 147.

централизация... Компьютеризация тоже вносит свой специфический, но весьма важный вклад в этот процесс. Информационное общество — это по определению общество открытое, и распространившаяся в последние годы идеология «электронного правительства» тоже ведет к большей демократии, хотя и не столь прямым путем, как кажется некоторым ее провозвестникам и пропагандистам.

Предмет нашего анализа — движение в сторону морализации политики — находится в том же ряду. Так называемые «простые люди» больше не согласны удовлетворяться ролями периодических, а зачастую и фиктивных участников политического процесса. Да и обществу в целом без развитой и подлинной, а не «управляемой», т.е. фальшивой, демократии трудно будет справиться с теми серьезными вызовами, которые уже поставил и еще поставит XXI век. В этой связи добавим к общеизвестной фразе Черчилля о том, что «демократия — худшая форма правления, если не считать всех остальных», очень четкое по формулировке моральное обоснование необходимости демократии, данное Рейнхольдом Нибуром, наиболее влиятельным протестантским американским богословом XX в.: «Человеческая способность к справедливости делает демократию возможной, но человеческая склонность к несправедливости делает демократию необходимой»[33].

А чтобы вкратце напомнить основные условия демократии для современной России, воспользуемся перечнем, приведенным недавно в выступлении депутата Государственной Думы В. Похмелкина на одном международном семинаре. Он отнес к этим условиям:

1. Преодоление психологии государственного патернализма в массовом сознании.
2. Разграничение власти и собственности.
3. Реальное разделение властей и деконцентрация властных полномочий.

---

[33] *Нибур Р.* Дети света и дети тьмы. Цит. по: *Крук Р.* Основы христианской этики. С. 50.

4. Качественно иные правоохранительная и судебная системы.

5. Прозрачность деятельности власти, особенно власти исполнительной.

Несколько слов о последнем из перечисленных условий. Вообще *стремление к публичности политики — одна из главных причин возникновения и существования демократии.* Лишь демократия может быть гарантией, и то не всегда достаточной, хотя бы относительно моральной политики, т.е. политики, руководствующейся критериями добра и зла, честности и бесчестия, совести, справедливости, долга и другими категориями морали. Правда, история знает отдельные примеры попыток проведения моральной политики автократическими методами (Гай Юлий Цезарь, Людвиг Баварский, Александр I и др.), которые, как правило, исходили от благонамеренных, т.е. желавших народу добра, монархов. Таким образом, все оказывалось в зависимости от личных качеств автократа. Но чаще всего такие попытки в итоге оказывались малоуспешными, а порой — заканчивались трагически. Ведь, как известно, «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». Поэтому над любым, даже самым прекраснодушным правителем необходим эффективный общественный контроль. К тому же при автократической форме правления отсутствуют какие-либо гарантии того, что власть от «хорошего автократа» перейдет к столь же «хорошему» наследнику.

4. Роль окружения автократического правителя

Чтобы, как говорится, «далеко не ходить», обратимся к примеру, пожалуй, лучшего автократа в российской истории — императора Александра II. Он самым искренним образом хотел принципиально улучшить социальный статус своих подданных, в сущности, посвятил этому всю свою жизнь и сделал в этом направлении значительно

больше всех остальных российских царей. Не будем сейчас говорить о его трагическом конце, о бессмысленной одержимости цареубийц, о политических аспектах его деятельности. Для нас сейчас важно другое: *в окружении любого автократа, даже с самыми прекрасными намерениями, как правило, преобладают временщики, посредственности и карьеристы,* для которых близость к власти — прежде всего средство достижения личных или групповых целей. Почему так происходит — отдельный вопрос. Но это эмпирический факт, подтверждаемый как историей, так и современностью. Не стал исключением и Александр. Приведу несколько цитат из воспоминаний людей, находившихся в его близком окружении и принадлежавших к явному меньшинству подлинно государственных деятелей, а не дельцов.

Из дневника П.А. Валуева, министра внутренних дел в период реформ, затем члена Государственного совета, а в конце царствования Александра — председателя Комитета министров, человека с широким кругозором и подлинно реформаторскими ориентациями: «В обиходе административных дел государь самодержавен только по имени... но при усложнившемся механизме управления важнейшие государственные вопросы ускользают и должны по необходимости ускользать от непосредственного направления государя.... Наше правление — министерская олигархия»[34]. «У нас вся энергия правительства, к сожалению, расходуется на меры строгости или на разрушение прошлого. Создавать органическое мы не горазды»[35]. «Система грубой силы и всякого рода принудительных мер проповедуется с успехом у трона»[36]. «Припоминая то, что я сегодня видел и слышал, во мне остается впечатление чего-то цинического, совершенно недостойного государственной деятельности. Государь созвал му-

---

[34] *Александр II.* Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 147.
[35] Там же. С. 191.
[36] Там же. С. 193.

жей Совета. Он был прав. Он предложил им вопрос на обсуждение. Но что сказали они и как обсуживали они этот вопрос? Не как советники, но как приказчики. Не перед государем и для государя, а перед барином и для барина. К коим струнам человеческимонаршего сердца обращались они? Как всегда, к слабейшим и низшим, а не к благородным и возвышенным. Что проповедовали они? Ограничения, прощения, взыскания, безмолвие и боязнь. Ни в одном слове не выразилось сознание, что они, мужи Совета, чинодержатели и звездоносцы, граждане государства, что они имеют первенство над другими, но и долг предстательства за других... Для них русский мир — фольга, русский люд — декорация, вся Россия только подножие для их призрачного величия»[37]. «Власть рассматривается не как средство, но как цель, или право, или имущество»[38]. «Страшно то, что наше правительство не опирается ни на одном нравственном начале и не действует ни одною нравственною силою. Уважение к свободе совести, к личной свободе, к праву собственности нам совершенно чуждо. Мы только проповедуем нравственные темы, которые считаем для себя полезными, но нисколько не стесняемся отступать от них на деле, коль скоро признаем это сколько-нибудь выгодным. Мы забираем храмы, конфискуем, ссылаем десятки тысяч людей, позволяем бранить изменою проявление человеческого чувства, душим, вместо того чтобы управлять, и, рядом с этим, создаем магистратуру, гласный суд и свободу или полусвободу печати. Мы — смесь Тохтамышей с герцогами Альба, Иеремией Бентамом. Мы должны внушать чувство отвращения к нам всей Европе. И мы толкуем о величии России и о православии!»[39]. «Неужели в России все добропорядочные люди вымерли? Неужели остаются только близорукие и короткоумные невежды, которые воображают,

---

[37] *Александр II.* Указ. соч. С. 199.
[38] Там же. С. 207.
[39] Там же. С. 211.

что они могут по своему произволению создавать или пересоздавать стихии государства?»[40].

А вот наблюдения С.Ю. Витте, тогда еще (в 1878 г.) начинающего молодого чиновника со свежим взглядом: «Что за скопище подобострастных глупцов представляет Зимний дворец!»[41]; «Общественный, умственный, художественный уровень псевдостоличной петербургской жизни, под влиянием разных сил и, прежде всего, зимнедворцовской посредственности, постоянно понижается»[42]. В сущности, то же подтверждает и военный министр Д.И. Милютин: «Такая колоссальная работа (реформа государственного устройства. — *Л. О.)* не по плечам теперешним нашим государственным деятелям, которые не в состоянии подняться выше точки зрения полицмейстера или даже городового»[43].

И это касается окружения лучшего российского царя, благодаря реформам которого страна имела наиболее решительный за всю свою историю шанс перейти на персоноцентристский путь развития! Что же тогда говорить о свите других наших венценосцев и более поздних лидеров. Б.Н. Чичерин, например, описав кадровую политику Александра III, сформулировал четкий вывод: правительство ясно показало, что оно не нуждается в порядочных людях. Последний российский император Николай II, по оценке много лет наблюдавшего его вблизи СЮ. Витте, «представлял собою человека доброго, далеко не глупого, но неглубокого, слабовольного... не был создан, чтобы быть императором вообще, а неограниченным императором такой империи, как Россия, в особенности. Основные его качества — любезность, когда он этого хотел, хитрость и полная бесхарактерность и слабовольность»[44]. Это проявилось и в его кадровой политике. Становится

---

[40] *Александр II.* Указ. соч. С. 215.
[41] Там же. С. 302.
[42] Там же. С. 307.
[43] Там же. С. 323.
[44] *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 331.

просто не по себе, когда знакомишься с сопровождавшей большую часть его правления кадровой чехардой, с вереницей представителей тогдашней политической элиты страны — ничтожеств и карьеристов, а также с обстоятельствами, служившими основаниями для назначения и увольнения высших должностных лиц государства. Особенно тягостное впечатление производит «личный кабинет» августейших супругов. Тон в нем задавали императорская родня и невысокого пошиба мистики-шарлатаны; тем не менее он играл колоссальную роль в принятии политических решений. Причем год от года значение факторов этого рода, названных Витте «настроением православного язычества», все возрастало. Сам Витте и в меньшей степени П.А. Столыпин составляли два тех самых исключения, которые подтвердили правило обстоятельствами крушения своих политических судеб. На личных качествах ленинских наркомов и сталинских партийных «соколов» я в целях экономии места останавливаться здесь не буду, тем более что специально посвятил этому немало страниц в моей уже упоминавшейся книге «Человек и власть: перекрестки российской истории» (с. 339—345).

5. Личные качества и мотивации политиков

Понятно, что далеко не каждый человек по своим личностным характеристикам пригоден для занятий политикой. *Политика — это призвание.* А призвание — в значительной мере свойство именно морального сознания. С моральной точки зрения главное качество, которое должно определять «профпригодность» политика, — чувство и сознание социальной ответственности за свои действия и слова. Все остальное — производное. Поэтому в популярной ныне якобы аксиоме, согласно которой «цель любого политика и политической партии — стремление к власти», не учитывается либо сознательно опус-

кается главное: для чего нужна эта власть тому или иному персонажу; а ведь именно здесь проходит водораздел между подлинными политиками и паразитирующими на политике дельцами. Вот как рассуждал на эту тему М. Вебер в работе под знаменательным названием «Политика как призвание и профессия»: «Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает»[45]. И в другом месте он разворачивает ту же мысль в несколько ином аспекте: «"Инстинкт власти", как это обычно называют, действительно относится к нормальным качествам политика. Грех против святого духа его призвания начинается там, где стремление к власти становится неделовым, предметом сугубо личного самоопьянения, вместо того чтобы служить исключительно "делу". Ибо в конечном счете в сфере политики есть лишь два рода смертных грехов: уход от существа дела и — что часто, но не всегда то же самое — безответственность. Тщеславие, то есть потребность по возможности часто самому появляться на переднем плане, сильнее всего вводит политика в искушение совершить один из этих грехов или оба сразу. Чем больше вынужден демагог считаться с «эффектом», тем больше для него именно поэтому опасность стать фигляром или не принимать всерьез ответственности за последствия своих действий и интересоваться лишь произведенным «впечатлением». Его неделовитость навязывает ему стремление к блестящей видимости власти, а его безответственность ведет к наслаждению властью как таковой, вне содержательной цели. Ибо хотя или, точнее, именно *потому, что* власть есть необходимое средство, а стремление к власти есть потому одна из движущих сил всякой политики, нет более пагубного искажения политической силы, чем бахвальство выскочки властью и тщеславное самолю-

---

[45] *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 740.

бование чувством власти, всякое поклонение власти только как таковой»[46]. К сожалению, все это звучит очень актуально применительно к нашим современным политикам, поскольку для подавляющего большинства из них идеи общественного служения, призвания и политической ответственности в лучшем случае — лишь элементы политической демагогии, а власть, если смотреть на нее с позиций моральной парадигмы, становится для них гедонистической самоцелью.

Конечно, политик совсем не должен быть альтруистом. Здоровое честолюбие — для него нормальное качество. Но беда, если оно органически не слито с гражданственными ориентациями, с намерением влиять на общественные процессы в справедливом, с точки зрения политика, направлении, а становится главным, если не единственным подлинным движущим мотивом его деятельности. На практике это приводит к политической беспринципности, к конъюнктурной смене флагов, лозунгов, политических партий. Печальный пример из нашей современной жизни — то, как масса политиков, вроде бы ранее исповедовавших разную идеологию, из очевидно карьеристских соображений переметнулись под знамена единой квазипартии — современной версии бюрократической компартии советского образца.

Отсюда совсем не вытекает, что политик должен быть бескорыстным аскетом. Напротив, это может быть даже опасным, поскольку сдвигает мотивации в сторону фанатизма со всеми его последствиями. Но здесь, думается, на политика можно распространить тонкое психологическое замечание С. Хантингтона: «Для профессионала ведущими мотивациями являются преданность своему мастерству (в широком смысле слова. — *А. О.)* и стремление служить обществу. Зарплата не может быть первичной целью профессионала, разумеется, если он — настоящий профессионал»[47]. Так что этические нормы должны дей-

---

[46] *Вебер М.* Указ. соч. С. 691—692.

[47] Цит. по: Отечественные записки; 2002. № 8. С- 51—52.

ствовать вне зависимости от уровня окладов и прочих доходов. Как говорил тот же Вебер, материальное обеспечение политика есть «честный хлеб профессионала». Разумеется, этот «честный хлеб» подразумевает достаточно высокую оплату его квалифицированной и нелегкой работы, но не более того.

Есть еще одно, скорее практическое обстоятельство, обусловливающее необходимость особого внимания к проблемам политической и административной этики. В современном обществе, в отличие от общества традиционного, возросла роль рациональной морали, предполагающей и свободу выбора, и этику индивидуальной социальной ответственности, при которой риск и бремя выбора не делегируются каким-либо формам коллективности и тем более — патерналистскому государству. Фразы типа «за вас думает фюрер» и «я освобождаю вас от химеры под названием совесть», а также их современные (увы, порой слишком современные) вариации находятся в вопиющем противоречии с реалиями жизни и тем более с потребностями развития. К тому же, поскольку общество становится все более разнообразным, соответственно возрастает и роль групповых норм, «происходит движение от универсальных норм к партикулярным, но вместе с тем осуществляется и процесс сегментации самого социума, когда внутри него возникают столь необходимые данным сегментам нормативно-ценностные подсистемы»[48].

В завершение этой темы приведем так называемые *парадоксы Томпсона.* Этот американский ученый, рассуждая о существовании определенных различий между правительственной и частной этикой, сформулировал три парадокса[49]. Первый: хотя этика порой кажется менее важной, чем все остальные вопросы, но, поскольку она косвенно влияет на все принимаемые решения, в конечном

---

[48] *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Гражданское общество: этика публичных арен. Тюмень, 2004. С. 60.

[49] *Thompson D.* Paradoxes of Government Ethics // Public Administration Review. Washington, 1992. Vol. 52. P. 52—60.

счете она оказывается самой важной. Второй: моральные добродетели частной жизни (например, такие, как застенчивость, нежелание привлекать внимание к собственной персоне) не всегда являются добродетелями в жизни политической. Третий: негативное **с** точки зрения общественной морали впечатление от тех или иных поступков политика, даже если оно на самом деле ошибочно, тем не менее играет отрицательную роль, ибо подрывает доверие к правительству и в более широком смысле — к демократии в целом. Поэтому политик обязан быть особенно щепетилен в своем публичном поведении. Иначе говоря, **соответствие поведения публичных политиков неким достаточно высоким стандартам — цена веры общества в демократию. В** нашем обществе пренебрежение этим правилом стало одной из главных причин произошедшей за последнее десятилетие дискредитации демократических институтов в общественном сознании. Последствия этого мы, увы, наблюдаем.

6. Моральные самоограничения политиков и контроль над ними

Важный аспект политической этики — *моральные самоограничения политиков,* требования к которым должны быть более высокими, чем к остальным гражданам, и уж ни в коем случае не заниженными. Политик имеет больше возможностей, нежели рядовой гражданин, и именно поэтому на него налагается больше ограничений и самоограничений. *Не все практически возможное и достижимое для политика должно быть для него морально приемлемым.* Не будем здесь рассуждать **о** материальных привилегиях, возможностях использования своего служебного положения для получения личной выгоды или благ и тем более о рутинной житейской аморальности и т.п. Думается, **с** явными злоупотреблениями все **и** так более или менее понятно. О вопросах контроля над такого рода поступками политиков и формах наказания мы будем говорить ниже.

Здесь же хотелось бы обратить внимание на те самоограничения, которые политик налагает (увы, не всегда) на выбор тех или иных действий, той или иной линии поведения в рамках своих полномочий. Иными словами, *часто то, что дозволяет политику закон, недопустимо с моральной точки зрения,* тем более что закон зачастую предоставляет высшим должностным лицам государства очень широкие полномочия и возможность широкого выбора способа действий. Например, М.С. Горбачев с формально-юридической точки зрения мог бы гораздо шире использовать военную и полицейскую машины СССР для сопротивления распаду восточного блока и самого Советского Союза, при этом оставаясь в рамках советских законов и уж, конечно, советских политических традиций. Перспективность таких действий — вопрос отдельный, выходящий за рамки обсуждаемой дилеммы. Важно, что он *не счел для себя морально допустимым* пойти по этому пути, неизбежно повлекшему бы значительное кровопролитие, репрессии и прочие античеловечные акции из бывшего у него в распоряжении арсенала. Я считаю, что здесь, наряду с возможными политическими расчетами, сыграл свою роль фактор морального самоограничения, благодаря чему было сохранено немало человеческих жизней и спасен престиж лично Горбачева, а заодно — и государства. И я благодарен ему за этот нравственный акт. Другой пример — Б.Н. Ельцин, которого, как говорится, «только ленивый» не оскорблял и не поливал грязью и в СМИ, и на митингах, и в Думе и т.д. Разумеется, ему это не могло нравиться. Однако он терпел все это, в том числе и явную клевету в свой адрес, поскольку считал, что нельзя наступать на свободу слова в стране, только-только ее обретшей, хотя издержки поведения внезапно выпущенной из цензурной клетки и ошалевшей от чувств вседозволенности и безнаказанности журналистики были достаточно велики. Чтобы почувствовать разницу, сравните это хотя бы с действиями его преемника и нынешней ситуацией. И еще один пример из постсоветского пространства: бывший

киргизский президент Аскар Акаев, как ни относиться к его позициям по другим вопросам, в критический момент отдал приказ не применять в отношении восставших против него толп народа военную силу и таким образом предопределил свое падение. Можно ли представить подобные самоограничения у лидеров соседних государств? События 2005 г. в Андижане демонстрируют обратное.

Другая сторона той же проблемы — *необходимость существования многообразных форм контроля над политиками,* в первую очередь контроля общественного, делающего их поступки и даже мотивы поступков известными для граждан, а саму власть — *прозрачной.* Ведь, как известно, власть по своей природе склонна к секретности, к набрасыванию на себя флера таинственности. А завеса тайны — благоприятнейшая среда и для ошибочных решений, и для прямых злоупотреблений. Именно поэтому в демократическом обществе власть в той или иной мере находится под прицелом общественных «прожекторов». Не случайно, например, в Англии очень важным является определение *политики как «публичной сферы»,* а в США после Уотергейтского скандала был принят целый ряд законов о прозрачности правительства, получивших общее наименование Sun Shine Laws (Законодательство солнечного света). На сегодняшний день законы об открытости информации, о доступе к ней граждан приняты под разными названиями в 52 государствах мира. Россия, увы, пока не входит в их число. Мы разовьем эту тему в страноведческих разделах работы.

О специфике партийной этики. И в заключение несколько слов об этической специфике политических партий. Тема эта — предмет специальных исследований. Однако поскольку управление неизбежно переплетается с политикой, то и по ходу этой работы нам приходилось хотя бы «по касательной» сталкиваться с данной темой. Но во всей своей специфике она, конечно, здесь не раскрыта. Этому посвящены и будут еще посвящаться отдельные работы. А здесь ограничусь лишь одним, но пред-

ставляющимся принципиальным замечанием. Политические партии, во всяком случае, в идеале, а не в цезаристских и других авторитарных вариантах, — это скорее специфические по своим целям и задачам ассоциации граждан, более близкие к структурам гражданского общества. Но и там человек экономический не должен быть отлучен от человека нравственного.

7. Этика и право («морализация» права)

В завершение главы обратимся к важной проблеме соотношения морали и права, моральных и правовых механизмов, тем более что на этот счет существуют весьма разные точки зрения. Вообще вопрос о соотношении и взаимосвязи этих двух видов социальной регуляции человеческого поведения принадлежит к числу «вечнозеленых» и обсуждается достаточно давно и энергично, прежде всего в юридической науке. А поскольку мы уже касались взглядов на эту проблематику с других, как секулярных, так и христианских позиций, то здесь сосредоточимся на освещении и оценке позиций юристов.

Еще в начале 1970-х гг. Я.З. Хайкин предложил достаточно четкий и даже прогрессивный по тем временам взгляд на проблему. Согласно его определениям, «мораль — это форма общественного сознания, отражающая противоречие внутри социальной общности между личными (элементными) и структурными ее интересами, разрешение которого для поддержания целостности общности как единой системы требует исторически определенного способа корреляции этих интересов»[50]. Далее он отметил, что это осуществляется посредством двух видов норм — моральных и правовых, которые в совокупности и представляют собой социальные нормы. Право же — это «истори-

[50] *Хайкин Я.З.* Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М., 1972. С. 31.

чески определенная коррелятивная форма, обеспечивающая целостность общественной системы посредством принудительного подчинения всех личных и групповых интересов особому интересу государственной власти»[51]. Разумеется, подобная конструкция несет на себе «родимые пятна» социалистической школы обществоведения в его советском варианте, что проявилось прежде всего в бескомпромиссном подчинении всего личного и даже группового государству. Но, учитывая рамки этих ограничений, она выглядит, по крайней мере, достаточно вразумительно и логично.

В дальнейшем, особенно на излете советских времен и непосредственно вслед за этим, дискуссия на эту тему значительно оживилась и обострилась, что несомненно пошло на пользу науке. В результате выкристаллизовались два подхода — позитивистско-нормативистский и либертарный. В рамках первого — «чистого учения о праве» (формулировка австрийского классика нормативистской юриспруденции Г. Кельзена) — право отождествляется с действующим законодательством. Либертарная доктрина придерживается более широких позиций: для нее *не все, что закон, то право,* и, напротив, некие идеальные идеи не перестают быть правовыми лишь оттого, что они почему-либо не закреплены в законодательстве той или иной страны. Таким образом, в понимание права вводятся критерии его существа. В качестве таких критериев либертаристы называют формальное равенство субъектов и меру их свободы. Последнее обстоятельство очень важно. Вот как об этом писал ведущий теоретик в данной области В.С. Нерсесянц: «Наблюдаемый в истории прогрессирующий процесс освобождения людей от различных форм личной зависимости, угнетения и подавления — это одновременно и правовой прогресс, прогресс в правовых (и государственно-правовых) формах выражения, существования и защиты этой развивающейся свободы. В этом смысле можно сказать, что всемирная история представ-

---

[51] *Хайкин Я.З.* Указ. соч. С. 110.

ляет собой прогрессирующее движение ко все большей свободе все большего числа людей. С правовой же точки зрения этот процесс означает, что все большее число людей (представители все новых слоев и классов общества) признаются формально равными субъектами права»[52].

Есть, однако, определенный парадокс в том, что этот весьма прогрессивный и гуманистический по своей интенции подход в крайних формах ведет к неоправданному правовому максимализму и даже экспансионизму, при котором все другие виды норм объявляются более низкими, нежели нормы правовые. У Нерсесянца эта мысль выражена в умеренной форме, когда он пишет: «Мораль, религия, эстетика и т.д., в их взаимодействии с принципом равенства (в том или ином его проявлении и значении) по существу имеют дело с правовым началом и принципом»[53] — т.е. все прочие виды норм как бы субординируются, «подчиняются» нормам правовым (что, впрочем, может быть предметом дискуссии на конкретно-историческом материале). В то же время некоторые его последователи идут значительно дальше, вообще отрицая внеправовой смысл морали и выходя тем самым, с нашей точки зрения, за границы и логики, и общепринятой в науке диверсификации различных нормативных регуляторов, да и вообще здравого смысла. Вот как, например, обходится со словом «справедливость», относящимся к ключевым моральным понятиям, один из наиболее серьезных либертарных теоретиков государства и права: «Справедливость интерпретируется как моральный принцип, но в действительности это *юридическая* категория, выражающая сущность права... Моральная интерпретация права вносит путаницу в общественное правосознание и в теорию права, не способствует формированию юридического правопонимания»[54]. Однако представляется очевидным, что категории и спра-

---

[52] *Нерсесянц В.С.* Право — математика свободы. М., 1996. С. 6.
[53] Там же. С. 81.
[54] См.: *Четвернин В.А.* Введение в курс общей теории права и государства. М., 2003. С. 38—39.

ведливости, и свободы, и равенства в своей основе являются социально-философскими, т.е. *метаправовыми.* Право при всех его возможностях — лишь одна, пусть наиболее формализованная, но далеко не всегда самая действенная и распространенная форма инкорпорирования этих категорий в реальную жизнь. Моральные нормы имеют для этого свои механизмы, как внешние, так и внутренние, о чем уже говорилось выше. Что же касается «путаницы», которую это якобы вносит в теорию права, то было бы логичней отнести данное замечание на счет несовершенства самой теории. Да и вообще, думается, что «стройность» теории, достигаемая путем снижения ее адекватности, — сомнительная ценность даже в рамках чистой науки, не говоря уж о ее более широком предназначении — способности отражать и объяснять реальность. Поэтому либертарная конструкция правопонимания, во всяком случае в ее крайних формах, представляет некую идеальную модель, недостаточно привязанную к социально-исторической реальности и общественной психологии. Стремление же свести понятие справедливости (к которому, кстати говоря, мораль отнюдь не сводится) только к одному, хотя и важному, юридическому аспекту выглядит внеисторичным, поскольку ситуацию, при которой мораль и право каким-то образом «сольются», в лучшем случае можно представить лишь умозрительно, в рамках какого-либо весьма оптимистичного образа «идеального будущего», не более того.

Да и далеко не все адепты правового либертаризма стоят на крайних позициях. Например, Н.В. Варламова вполне признает ограниченность сферы действия правовых механизмов: «Право и не претендует на упорядочение всех сфер и сторон жизнедеятельности человека»[55], или: «Либертарная концепция отнюдь не отрицает суще-

---

[55] *Варламова Н.В.* Правопонимание: Синкретичность и «чистота» подходов // Правовые культуры: история, эволюция, тенденции развития. М., 2003. С. 97.

ствования принудительных порядков, основанных на ином (моральном, религиозном и т.п.) принципе; она просто не признает их правовыми, должными с точки зрения права»[56]. Но и она почему-то связывает преобладание вне-правовых механизмов регуляции лишь с неразвитыми, системоцентристскими цивилизациями, а прогресс интерпретирует как экспансию правового начала: «Правовая регуляция... оказалась наиболее эффективной, и сегодня она проникает во все культуры, укрепляется и постепенно вытесняет (по крайней мере, из сферы хозяйствования) иные социальные нормы»[57].

Последнее утверждение не соответствует современным тенденциям в соотношении правовых и моральных регуляторов, как мы отмечали выше, а в дальнейшем продемонстрируем более подробно, на примере нескольких стран, которые при всем желании нельзя отнести к числу неразвитых или принадлежащих к системоцентристско-му типу цивилизации, — США, Англии и Канады. Происходит отнюдь не «вытеснение» правом других видов норм, а скорее их сближение, порой даже переплетение в единых документах.

Вообще в англосаксонской системе и традиции граница между правом и этикой выглядит гораздо более размытой, нежели в континентальной правовой системе. Возможно, корни этого восходят еще к идее так называемых covenants, т.е. договоров об условиях и принципах совместной жизни, заключавшихся американскими первопоселенцами внутри каждой из общин, но при этом перед лицом и даже как бы с участием Бога. Возможно, с этим отчасти связана и тенденция утверждения этических кодексов (кодексов поведения) как нормативных документов, имеющих юридическую силу и соответственно подкрепленных юридическими санкциями за их нарушение.

Конечно, у педантичных юристов всегда возникает не лишенное некоторых оснований подозрение, что здесь

---

[56] *Варламова Н.В.* Указ. соч. С. 95.

[57] Там же. С. 96.

размывается грань между юридическим и моральным регулированием поведения людей. На наш взгляд, удачный ответ на эти сомнения дает видный американский юрист Х. Берман. Он пишет: «Кодекс поведения уникален тем, что в нем сочетаются нормы права и этики. Он этимологически (т.е. по своему происхождению, по своей сути) ближе к естественному праву, нежели к позитивному»[58]. О внимании, которое уделяется этому вопросу, свидетельствует и принятие Организацией Объединенных Наций в конце 1996 г. Международного кодекса поведения чиновников.

А вот как, например, трактуется эта проблема авторитетным современным теологом: «Есть два основных источника водительства для человека... Первый — закон, который... распадается на три категории. *1. Естественный закон* передается через разум человека и доступен всякому, кто посвящает себя внимательному созерцанию и логическому размышлению... *2. Божественный позитивный закон* записан в Священном Писании и доступен для тех, кто посвящает себя этому откровению... *3. Человеческий позитивный закон* создан людьми и включает и гражданский, и церковный закон... Вторым направляющим источником является совесть. Тогда как закон является общим, совесть индивидуальна. Совесть — это суждение, принимаемое человеком, о нравственной доброте или порочности предпринимаемого действия... Совесть должна быть информирована законом, наставлением, опытом, разумом, поклонением и внутренним голосом Духа Святого»[59]. Возможно, у данного автора есть элементы некоторого преувеличения роли религиозных норм, что естественно. Но мне представляется, что его суждения и классификация в целом более сбалансированны и отличаются меньшей абсолютизацией своего предмета, чем экспансионизм некоторых правоведов. Отметим попутно, что закон, не имею-

---

[58] *Berman G.* Law and Logos // Law Review. 1994. Fall. Vol. 44. No. 1.
[59] *Крук Р.* Основы христианской этики. С. 45.

щий опоры в моральном сознании лиц, обеспечивающих его исполнение, а также «прочих» граждан, может стать и нередко становится либо весьма опасным инструментом манипуляций, либо не применяемой на практике декларацией, «словами на бумаге». И в том, и в другом случае он входит в противоречие как с намерениями законодателей, так и с пафосом и идеологией правового либертаризма.

О швейцеровском, на мой взгляд, весьма продуктивном и актуальном для нашей сегодняшней жизни понимании этики и ее роли мы уже говорили выше. Сейчас хотелось бы обратить внимание читателя на значительно более прагматичный по своим истокам взгляд с позиций бизнеса, современного менеджмента. Процитируем для этого одно из учебных пособий по данному предмету: «В настоящее время этика бизнеса тесно связана с правом, что доказывается многочисленными примерами из деловой практики. Эта взаимосвязь носит сложный и одновременно стимулирующий характер для развития как права, так и этики... Иногда высказывается мнение, согласно которому проблемы деловой этики можно значительно упростить и вовсе устранить, если перевести их в правовую плоскость и передать юристам. Кратко этот подход выражается следующей фразой: "Пусть решают юристы; если это законно, то это морально". Подобный подход, будь он принят, значительно упростил бы стоящую перед нами задачу. Однако подавляющее большинство специалистов сходятся во мнении о том, что все же необходимо проводить различие между моральной и правовой оценкой какого-либо явления. Несмотря на пересечение права и морали, право нельзя рассматривать как отражение и воплощение моральных стандартов общества, хотя оно непосредственно занимается регулированием отношений морали»[60].

Не вдаваясь в дальнейшие дискуссии по этому вопросу, заметим лишь, что практика пошла по пути поиска

---

[60] *Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К.* Этика бизнеса. М., 2001. С. 15—16.

прагматического компромисса, который, пожертвовав методологическим пуризмом, позволил если не соединить, то хотя бы максимально сблизить моральные и правовые нормы в политической, государственной и деловой жизни. И поэтому отнюдь не случайна растущая популярность моральных кодексов в самых разных сферах деятельности, в том числе в политике, бизнесе и на государственной службе.

Моральные кодексы обладают несколькими преимуществами по сравнению с кодексами юридическими. Во-первых, юридический кодекс по своей природе требует четких формулировок (составов) запрещенных действий, а также правил должного поведения; специфика же названных сфер деятельности такова, что создать сколько-нибудь полный перечень запретов и предписаний невозможно. В основе кодекса этического, напротив, лежат в первую очередь не юридические нормы, а *принципы,* которые гораздо проще идентифицировать и соотнести с реальной практикой деятельности того или иного должностного лица. Во-вторых, специфика многих, даже явно политически некорректных, административных проступков такова, что доказать наличие вины крайне сложно, а без этого применять правовую санкцию нельзя. В-третьих, ряд действий по самой своей природе не может регулироваться правом, а попадает под нормы групповой морали или индивидуальной нравственности, действие которых не менее эффективно, так как именно они — базовые детерминанты социального поведения человека. Правом же регулируется лишь небольшая часть поступков людей.

Мы в России традиционно предпочитаем максимально расширять сферу юридического регулирования, хотя недейственность многих наших законов давно стала притчей во языцех. Это, разумеется, имеет свои причины. Ведь одной из движущих сил большевизма, особенно в первый период после захвата им власти в стране, был дух воинствующего морального релятивизма, отсутствия каких-

либо нравственных табу. Вспомним, к примеру, ленинские слова, что объединяться допустимо хоть с дьяволом, если этого дьявола можно будет обмануть. Позднее сформировался институт двухслойной идеологии, означавший сосуществование в морали двух принципиально не совпадающих слоев, один из которых — внешний — носил декларативный и во многом откровенно маскировочный характер, а другой — внутренний — предназначался для узкого круга «своих», «посвященных» и отражал мораль подлинную. Например, если на уровне внешнем, риторическом провозглашалось всеобщее равенство, «единство партии и народа», то на уровне реальном все более разрасталась система номенклатурных привилегий, укоренялись семейственность, протекционизм, культивировалась кастовая психология. Демагогия относительно «самой совершенной социалистической демократии» вполне согласовывалась с практикой жестокого подавления любых ростков оппозиционности, да и просто независимого мышления. Лозунги типа «экономика должна быть экономной» сочетались с невиданным расточительством, призывы к эффективности — с гигантскими масштабами псевдодеятельности бюрократической машины и т.д. В числе последних шагов, закрепивших иронически-скептическое отношение к провозглашаемой сверху морали, — «Моральный кодекс строителя коммунизма» — насквозь лицемерный документ, который, хотя и содержал некоторые неплохие нравственные декларации, никем всерьез не воспринимался. Еще один фактор — обычное для переходных периодов состояние моральной аномии, ценностного «вакуума», в котором последние десятилетия пребывает значительная часть нашего общества, оказывающая на формирование ценностей наибольшее влияние.

К тому же существует и весьма важный морально-психологический аспект проблемы: *если этика апеллирует к лучшей стороне человеческой природы* (для краткости назовем ее сейчас совестью), *а также к нормам групповой* (в данном случае политической и административной) *мо-*

роли, то правовые акты с их неизбежным акцентом на карательные меры апеллируют прежде всего к страху наказания. Иными словами, первые как бы возвышают человека, вторые — его «принижают». Это различие немаловажно, в частности с точки зрения воспитания сознающих свою социальную ответственность и честных политиков и администраторов.

Но все же идея моральных кодексов (кодексов поведения) постепенно пробивает себе дорогу и у нас. Думой предыдущего созыва был в первом чтении принят *этический кодекс парламентария,* правда, весьма несовершенный и как бы обходящий стороной большинство действительно важных коллизионных моментов, таких, как конфликт интересов. Федеральная программа «Реформирование государственной службы (2003—2005 годы)» предусматривала «внедрение механизмов выявления и разрешения конфликта интересов на государственной службе, а также законодательного регулирования профессиональной этики государственных служащих»[61]. Практически тогда же, в августе 2002 г., Президент издал Указ «Общие принципы служебного поведения государственных служащих»[62]. Правда, в практическом плане здесь мало что сделано, и работа в этом направлении, увы, застопорилась. Между тем на региональном уровне есть примеры более активного продвижения в направлении регулирования профессиональной этики политиков и чиновников, по крайней мере на бумаге. В некоторых областях разработаны, а кое-где даже приняты этические кодексы поведения для членов законодательных собраний и местных чиновников. Словом, так или иначе, но «лед тронулся».

В этой связи представляют интерес рассуждения одного из наших ведущих специалистов в области прикладной этики В.И. Бакштановского о позитивных и негативных сторонах профессиональных кодексов. Правда, он рассматривает проблему более широко, т.е. применительно

---

[61] Российская газета. 2002. 20 нояб. [62] Указ № 885 от 12 августа 2002 г.

к любым профессиональным сообществам. Но его суждения вполне применимы и к интересующей нас категории кодексов. Он пишет, в частности: «Кодексы (имеются к виду моральные кодексы. — *А. О.)* позволяют сообществу глубже и разностороннее осознать свою профессию, се значение, этос, миссию, связанную с ней меру ответственности как перед столь трудно нарождающимся гражданским обществом в России в целом, так и перед отдельными группами и гражданами страны... Одним из условий такой трансформации как раз и является принятие этического кодекса как всего сообщества, так и отдельных его звеньев»[63]. Вместе с тем автор предупреждает об опасности тенденции перехода к чистому морализаторству, к перенасыщению подобных документов сугубо моральными сентенциями: «Морализаторство вполне может создать видимость того, что разработчики профессиональных кодексов полностью учли природу моральной регуляции, тогда как на деле "учтены" лишь фантомы моральности... Самое важное заключается в том, чтобы нравственные основания, на которых только и может воздвигаться кодекс, побуждали бы не поддаваться лишь ограничивающим моральным ориентациям и находить баланс между повинностями обязательств, с одной стороны, и запретными правилами игры, с другой. А это предполагает творческий поиск в поле созидательных поступков, самонахождение и самовозложение долга, когда свобода, самораскрытие, спонтанность не противостоят социальным предназначениям и корпоративной дисциплине»[64]. Иными словами, речь идет о принятии на себя обязательства как минимум лояльности публичному интересу и подчинения нормам права. Но при этом Бакштановский считает морализаторство в политике гораздо меньшей бедой, нежели отрицание морали. В другой своей работе он пишет: «Угроза морализаторства, на которую любят ссылаться

---

[63] *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А.* Этика политического успеха. С. 656.

[64] Там же. С. 656-657.

«реалисты», очень часто служит удобным оправданием политической беспринципности, приспособленчества, одиозности вплоть до прямого аморализма»[65]. Этим, на наш взгляд, объясняется и столь распространенная позиция добровольного отстранения от любого участия в политике как от якобы неизбежно «грязного», безнравственного дела, поскольку именно активность нравственных людей позволит противостоять монополизации политической «площадки» людьми безнравственными.

Важна также и данная автором характеристика специфического характера фиксируемых кодексами норм, правил поведения: «Эти правила образуют некий симбиоз этическо-правовых нормативов, организационных норм... При этом важно, чтобы этическую функцию кодекса не подавлять, не маргинализировать, не оттеснять административно-правовой "составляющей" кодекса»[66]. А в более поздней работе Бакштановского и Согомонова прямо говорится о «союзе юридизма с этикоцентризмом»[67]. Два последних процитированных замечания представляются ключевыми для понимания уникальной природы этических кодексов, независимо от их названия. Эти кодексы не вписываются в привычные рамки разделенной высокими междисциплинарными барьерами современной общественной науки. Поэтому здесь мы имеем дело со случаем, когда забота научных пуристов о чистоте своего предмета должна уступить потребностям, настоятельно диктуемым общественной практикой. А потребность эта в данном случае состоит в том, чтобы *придать моральным нормам дополнительную, правовую легитимность.*

---

[65] *Бакштановский В.И.* Как возможна политическая этика // Политическая этика: социокультурный контекст. Ведомости. Вып. 24. С. 9.

[66] *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А.* Указ. соч. С. 654-655.

[67] *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Указ. соч. С. 48.